

Iva Mour

AVICOLA

Iva Mour

Avicula

«АВТОР»

2026

Mour I.

Avicula / I. Mour — «Автор», 2026

В жизни юной сироты всё меняется в один миг: она узнаёт, что принадлежит к древнему роду оборотней-птиц. Вместе с наставником, тоже владеющим даром превращения, девочка отправляется в большое путешествие по просторам России. Ей предстоит не только научиться управлять своей новой сущностью и впервые ощутить радость полёта, но и отыскать своё место в мире, где человеческое и звериное начала тесно переплетены. В дороге её ждут встречи с другими оборотнями, испытания, которые проверят на прочность её характер, и тайны, скрытые в истории её рода. Это история о поиске дома, принятии себя и о том, что семья — это не только кровь, но и те, кто поддержит в трудную минуту.

© Mour I., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Iva Mour

Avicula

Глава 1

В полусонном бреду, состояние которого знакомо большинству людей, в голову зачастую закрадываются мысли необычные, смысл которых то сводит с ума, то испаряется при пробуждении как утренняя роса. Если повезёт, и человек найдёт крупинку сил, чтобы управлять своим тяжёлым, сонным телом, то, вероятно, к обеду он вспомнит об оставленной в телефоне заметке. Если сил не обнаружится, человек понадеется на свою хорошую память, что будет его большой ошибкой. Мысли, приходящие в состоянии дремоты, исчезают из памяти как и 90% снов. Но иногда случается так, что пришедший сон врезается в память и напоминает о себе долгие, долгие годы. У Лизы тоже есть такой сон. Может, даже, многократно переработанное воспоминание.

Мама с папой разговаривают о какой-то чепухе. По радио громко играет песня, мотив и слова которой по пробуждении снова исчезнут, впрочем, как и всегда. Вот папа смеётся с маминной шутки. Вибрации автомобильного двигателя убаюкивают уставшее детское тело. В воздухе плавают мелкие пылинки, купаясь в лучах яркого послеобеденного солнца. Его горячие летние лучи раскалили салон, и теперь носик маленькой Лизы чешется от химозного запаха старого пластика. В середине июня в детском кресле слишком жарко. Лиза оттягивает футболку с глупым принтом какой-то рисованной кошки. Она уже давно хотела оторвать картинку, больше похожую на кусок скатерти, из-за которой и так плотная ткань стала ещё неприятней. Вот мама поворачивается, легонько хлопает по маленьким ручкам и снова садится ровно, продолжая разговор с мужем. Лиза смотрит в окно. По небу медленно плывут маленькие облака, по тротуарам ходят изнывающие от жары люди, а птицы летают будто через силу. Блуждающий взгляд Лизы цепляется за большого чёрного ворона. Он приземлился на крышу остановки с размаху, на полной скорости, а теперь смотрит по сторонам, что-то выискивая. Или притворяясь, будто ищет что-то. Может быть, ему стыдно перед другими птицами, что он так нелепо сел? Может быть, у него теперь болят лапки? Лиза и сама иногда воображает себя птичкой, особенно когда хочется спать под размеренные щелчки поворотника. В этот момент ворон всегда резко взлетает, громко каркает и наступает темнота. Густая, тёплая темнота с запахом металла врывается в Лизину жизнь и размеренно, очень неприятно жужит. В этот момент Лиза всегда просыпается. В холодном поту, с трясущимися руками пытается хватать ртом ночной, но всё ещё горячий летний воздух. Этот сон всегда приходит летом. Всегда именно в эту дату. Но сегодня он изменился. Ворон. Лиза нашла его взглядом, и поняла, что он смотрит на неё. Глаза в глаза, не шевелясь, немного расправив крылья. Противная футболка больше не колется. Колется где-то внутри. Чешутся кости, неприятно зудят суставы. Лиза пытается отвести взгляд от ворона, но почему-то не может. Яркое голубое небо, без единого облачка, начинает желтеть. Не тем оттенком, с которым приходят закаты или уходит ночь. Неправильным, пастельным. Таким, будто в охру намешали белил. Голову простреливает резкая боль, и пульс отдаётся где-то в висках и затылке, будто сердце внезапно решило переехать в черепную коробку. Ворон открывает огромный чёрный клюв, глядя ей в глаза, и...

— Подъём! — А-а-а! — Лиза свалилась с кровати под громкий шорох и скрежет разьежающихся по древним карнизам штор. — Девчонки, вы первый завтрак проспали! В столовой уже давно остыло всё! Лена, тоже вставай. Понимаю, что каникулы, но дополнительные занятия никто не отменял. Послышался звук захлопнувшейся двери. Следом за ним мучениче-

ский стон с другого конца комнаты, который постепенно превратился в задушенный подушкой визг. Лиза, хихикая, с трудом открыла слезящиеся от яркого солнца глаза.— Ничего-ничего, дражайшая моя подружка. На том свете выпимся, — она кое-как поднялась с пола и застелила мягую постель. Лена, накричавшись, нарыдавшись и отдышавшись, с трудом перевернулась на спину.— У меня всё боли-ит... О-о-очень... А-а-а...— В душ сейчас пойдешь или вечером?— А-а-а...— Ясно, не продолжай. Июньские тёплые солнечные лучи пробирались в комнату и рассеивались, отражаясь цветными бликами от висящих на окне декоративных стекляшек. Обычно, когда окно открыто, ветер с улицы играет с ними и комната наполняется тихим, приятным перезвоном. Но эта ночь, видимо, была слишком холодной и Лена в потёмках его закрыла, чудом не потревожив довольно чуткий соседский сон. Быстро сполоснув лицо и почистив зубы, Лиза спустилась на первый этаж и заскочила в столовую.— Егорчик, один тут? В тишине и благодати?— Ещё бы, малышня вся из лагеря только через две недели придет. А остальные... — мальчик глянул в календарь на стене, — через четыре дня.— Тоже в санаторий хочу, — пробубнила Лиза, забирая тарелку с супом у поварахи тёти Гали. — Спа, массажики...— Э, нет, твоё дело на стадионе пропадать. Приседанья, анжуманья, — спародировал Егор известную шутку.— Ага. Турник, бегит, пресс качат. Кстати, Ленка после нашего вчерашнего матча лежит, пошевелиться не может.— Не удивлён. Куда ей, гимнастке, до футбола.— Чего-о? А ты когда таким крутым стал? Я что-то пропустила? Я ещё помню, как ты пощады у тренера просил.— Так мне семь было, а вам по двенадцать. Я там чуть не помер.— Ну не помер же.— Ну. По фактам, — согласился Егорчик и заткнул себя ложкой макарон. Завтрак, хоть и второй, прошёл тихо-мирно под аккомпанемент из дребезжания старого пузатого телевизора и щебета птиц за открытым нараспашку окном. Лена, сонная и помятая, спустилась уже после того, как Егор убежал на улицу гонять мяч.— Тётъ Галь, что сегодня? — спросила она охрипшим, севшим голосом и после того, как получила «половинку макароншек с салатиком и сосисочкой» плюхнулась за стол рядом с Лизой.— Выспались, мадам?— Ха-ха. Я с вами играть больше не буду. Загоняли как не знаю кого, всю ночь кошмары снились. Кстати, Рита сказала бельё развесить.— Мхм, — неразборчиво промычала Лиза, вглядываясь в мирно плывущие облака. Ей вспомнился собственный сон. Наверное, ворон повёл себя иначе действительно из-за того, что они перед отбоем отыграли полноценный девяностоминутный матч. И годовщина смерти родителей в той аварии здесь совершенно ни при чём. После завтрака, лишь на пару минут завернув в прачечную, девочки с тазами чистого постельного белья вышли на улицу через чёрный вход.— Ой, Лёшик! Прячешься? Вот, — Лена гордо всучила ему таз, — вратарь из тебя отвратительный, может хоть прачка из тебя получится?— И ведь не возражишь, — вздохнул он, через пару секунд отойдя от ступора.— Вот и не надо. Я пойду Егорика позову, вместе быстрее будет. Лиза хотела было её затормозить, остановить, но не успела. Алексей неловко откашлялся.— Кхм, в общем, Лиз... Вижу, как тебе некомфортно, может забудем?— Тут забудешь.— Ну извини, правда, — он поудобней перехватил таз и отправился к сушилкам. — Не думал, что моё признание в любви так сильно тебя подкосит.— Подкосит? Да я к тебе как к брату относилась!— То есть у меня вообще никаких шансов? Прямо вообще?— Прямо вообще. Мне не нравятся ни лысые, ни качки.— Да не лысый я. Но если хочешь ещё отращу.— Мне блондины тоже не нравятся.— Покрашусь?— Прекращай.— Но... — Лёх, закрыли тему. Пододеяльники расправлялись в неприятной тишине, пока не прибежали Лена и Егор. Взволнованные, даже напуганные, они начали тараторить наперебой. Лёшке даже пришлось прикрикнуть:— Так, по очереди!— Там птица! — Лена указала в сторону близлежащего леса, который начинался прямо за забором, отделяющим территорию детского дома.— Надо же, какая редкость, птица в лесу, — сердито ответила всё ещё раздражённая Лиза.— Нет, ты не понимаешь, — вставил Егор, — она ОГРОМНАЯ! Может мутант?— Мутант или нет, вы помогать собираетесь вообще? За делом все разговоры стихли. К обеду и вовсе про птицу все забыли, а к полднику разбрелись кто куда. Лёшка продолжил готовиться к ЕГЭ, обложившись

справочниками; Ленке до ОГЭ было ещё два года, так что и она, и Егор, только-только закончивший начальную школу, занялись своими тренировками в спортзале. Лиза тем временем в гордом одиночестве пыталась поставить свои новые рекорды в беге. Спустя несколько попыток результата не получилось, и она приняла решение просто поспать под открытым небом.

Во сне всегда всё какое-то пластиковое. Безвкусная еда, цветы без запаха, люди без лиц. Во сне нельзя читать, видеть отражение в зеркале или набирать номер на телефоне. Даже на часах никогда не бывает стрелок. Когда бежишь куда-то, ноги постоянно тяжёлые, неподъёмные, будто обувь приклеена к полу самым мощным строительным клеем, или и вовсе прибита гвоздями. Лизе сны обычно не снятся. Никогда ещё её мозг не выдумывал ничего самостоятельно. Только летом, в середине июня, ей снится авария. И ворон, на котором обычно застревает взгляд. Как сейчас. Он снова смотрит. Это неправильно, Лиза уверена. Небо такое же неправильно-жёлтое, и облака по нему плывут почему-то серые. Внезапно Лиза понимает, что и людей-то в округе нет. И машины нет, и родителей. И ей уже не пять, а шестнадцать, и сидит она не в неприятном кресле, а на какой-то площади. И стоило один лишь раз мельком взглянуть на пол, город сменился лесом. Сплошные берёзы да сосны с кустарниками. Сплошная чаща. Листья, иголки и палочки колят руки, опустившиеся на землю. Где-то вдалеке журчит речка. Лиза поднимает глаза и видит небо, всё такое же странное. Оно проглядывает меж раскидистых ветвей неровной кляксой. Покой леса, его тишина и лёгкий ветерок, гуляющий среди вековых стволов действуют как мощный транквилизатор. В чувстве эйфории от запаха хвои Лиза медленно моргает, но открывает глаза уже почему-то в реальности. Разморенная свежим воздухом и мягкой травой, Лиза проснулась от животного голода. Потянулась всем телом до боли и намечающихся судорог, поднялась, отряхнулась, повернулась в сторону дома и остановилась, как вкопанная. На спинке лавочки у самого входа сидела огромная чёрная птица.

Возможно, та самая, про которую ещё утром Ленка с Егором рассказывали. Но совершенно точно *та самая*, которая являлась ей все эти годы во снах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.